
Автор представлен членом Художественного совета **Дмитрием Мурзиным**

***

Чайка чайку в море рылом тычет...
Посмотри, - «грит», дура, где тут рыба?!
Та, что первая, прошла морей тыщу.
А вторая... Все глаза ей да губы...
А вторая верит в корм по щелчку,
Оттого она, должно быть, одна.
И за дверью все снега на чеку,
Но в снегах она всегда и сама.
Если первая бьется в агонии,
То вторая... Короче, вы поняли.
Если первая тратит нейроны,
То вторая... Как их там? Феромоны.
Но на миг хотя б глаза я закрою:
Все от глаз и губ мне нету отбою.
Мама, мама, я взрослею, не ною.
Первой чайкой мне не быть... Быть второю...

В деревне нынче будет не до смеха...

В деревне нынче будет не до смеха.
Смолчать соседкам хватит ли ума?
В погонах дядя с тетею приехали
Ребенка «изымать».
Ну что за слово? Парень задом пятится.
А мама крепко спит, ей хоть бы хны.
Она в запое. У нее он – пятый.
Сто тысяч двадцать пятый – у страны.
Хотя пока он ростом невеличка,
Решения способен принимать.
Ему три года. Он собрал вещички:
Футболку, шорты, братову тетрадь.
Минуя пьедесталы и божнички,
Он успокоится теперь едва ль...
Ему пятнадцать. Он собрал вещички.
Шестнадцать. Двадцать три. И сорок два...

Любимый, что-то разговор не клеится.
Молчание страшнее, чем наган.
В четвертом измерении проекция:
Твой маленький походный чемодан.
Бедняцкими кварталами отмеченный,
Ты мстишь: за болью – боль, за пядью – пядь.
Вот так за грех всего одной лишь женщины
Ответят пять...

Свернуть в поток сознания...

Свернуть в поток сознания –
В сердечную аорту.
И миропониманье
Восстало вдруг из мертвых.
Познание от истоков
Захлещет вновь из вены.
Вся жизнь – в кровоподтеках,
И смерть, как откровенье...
Забывать о запредельном –
Мечтать лишь о насущном.
Завидую смертельно
Арбатскому пьянчужке
За то, что он, как мизер,
В основу мер положен.
За то, что в этой жизни
Он никому не должен.
Что не познал он ревности
От женщины в халате.
За то, что даже бедности
Ему на счастье хватит.
Что клоунским успехом
В толпе не похвалялся...
За то, что я уехала.
За то, что он остался.

Мандельштам

Был так тощ он – хоть по кирпичу в карман,
Да простыл где-то еще под Харьковом.
Зэк со странной фамилией Мандельштам
Рифмы из легких своих выкашливал.
Рифмы – на лед!
Авось подберет
Кто-нибудь из политических?!
Мертвая речка,
И неба рев,
И конвойный со взглядом Атиллы.
Поэт – не тот, кто вино пьет
Из тонкого хрусталя в Астории,
Пока Мандельштам уходит под лед,
Под тоненький лед истории...
Как точно было – не знаем мы.
Но видится мне так еще,
Будто один суетливый хмырь
Шапку подрезал на утопающем!
Как там все было – кто ж разберет?
Но одно я усвоила здорово:
Когда я вижу тонкий лед,
Молча склоняю голову.

Пять тысяч лет...

Пять тысяч лет? Какая, к черту, разница,
Что синий шар цвести и жить расхочет?
А у меня дела – такая задница,
Что иногда повеситься охота!
Вы говорите: скоро свет кончается,
И некуда укрыться человечеству?
А мой сосед уже в петле качается.
Ну, с облегченьем, друг. Тебе полегче?
Сосед мне ничего не отвечает.
Его земное притяженье взвесило.
Скажи, а там кончается отчаянье,
Где в силе – лишь космические взвеси?!
Качается себе в петле, ему-то хоть бы хны,
А остальным, кто рядом с ним, несладко.
И ритуальных целый строй ханыг
Потащат ящик горестный и шаткий.
Ему-то что: веси, потом лежи,
Когда на пальчик номерок привесили.
А остальным решать, как дальше жить.
Жить – сложно. Просто можно лишь повеситься.
Будь проклят дом, где нет карандаша,
Где батареи ржавой жижей кашляют -
Есть сто причин, чтоб больше не дышать....
Но хочется узнать, что будет дальше.

Не желаю радиоволн...

Не желаю радиоволн,
И не нужно мне Interneta.
Проведите мне в гроб телефон!
Я хочу позвонить с того света!
Нет, не встретить лицом к лицу –
Это слишком для Вас опасно.
Как солдатики на плацу,
Звуки выстроятся во фразы.
Я за жизнь не слишком держусь,
Но сомненья приходят чаще.
Я при жизни, бывало, проснусь,
А кругом только ящик, ящик!
Кто-то совестливый – вину
Целый век на горбу тащит.
Я свободы чуть-чуть вдохну –
И захлопнется ящик, ящик!
Утруждаться какой резон?
Лучше вы мой номер черкните,
Проведите мне в гроб телефон,
Позвоните мне, позвоните!